

Лидия Чарская

**Вечера княжны Джавахи.
Сказания старой Барбалэ**

Лидия Алексеевна Чарская

Вечера княжны Джавахи.

Сказания старой Барбалэ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635925

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Нет старушки Барбалэ давным-давно на свете, а сказки её реют в воздухе, как птицы, нашедшие гнезда в одичавшем тенистом саду Джаваховского дома. Их шепчет Кура многоводная, их сказывают густые чинары, их повторяют одичавшие розы, их поет горийский буль-буль с серыми крылышками в тихие, нежные, благовонные летние ночи...

Содержание

Вместо вступления	4
Первое сказание старой Барбалэ	8
Второе сказание старой Барбалэ	23
Третье сказание старой Барбалэ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лидия Алексеевна Чарская

Вечера княжны Джавахи.

Сказания старой Барбалэ

Вместо вступления

– Тссс! – шепчут густые темные чинары в большом, тенистом, заглохшем саду, – тссс! Не шумите, ветры, не плещи, река, под горою, не стоните, гулкие обвалы, в далеких горах... Тссс! затихни, природа, и внимай сладкому голосу ночного певца. Поет буль-буль¹ сладкоголосый, поет чудесную песню на черном от мрака розовом кусте. Тише, ветры, тише, Кура темноводная, тише, далекие горы, – слушайте все песню буль-буля, короля задумчивой восточной ночи, слушайте внимательно!

И замолкают чинары, а, вместо шепота их, звенит голосистая песнь.

Не то быть, не то сказку поет задумчивый крылатый певец ночи. И весь Гори,² весь сонный Гори, с его ароматными садами и зелеными виноградниками, с его грязным базаром и узкими улочками, слушает его.

---

¹ Буль-буль – по-грузински соловей.

² Гори – небольшой город Тифлисской губ.

Слушает сонный, затихший Гори... Поет сладко крылатый певец в заглохшем саду забытой усадьбы.

Его дед, такой же, как и он, певец восточной ночи, передал сыну эту песнь... Сын научил ее петь своего сына... И поет ее молодой задумчивый соловей...

– Здесь, в этом забытом гнезде над Курой, в предместье Гори, – звенит его песнь, – жил когда-то знатный грузинский батоно.³ Князь Георгий Джаваха-оглы-Джамата звался батоно. Он был смелый, храбрый офицер. Пускался в далекие Дагестанские горы, усмирял восставшие аулы⁴ и дружил с покоренными лезгинами, как свой брат-кунак.⁵ И сердце свое отдал черноокой лезгинке-магометанке из аула Бестуди, сделал ее своей женой и увез в свою усадьбу.

Старый отец девушки, Хаджи-Магомет, долго не примирялся с дочерью, изменившей вере отцов и принявшей христианство... И только рождение выучки, княжны Нины, вернуло гордому старику угасшую было любовь к дочери.

Как цветок весенний, как роза Алазанской долины, росла девочка Нина, христианское дитя, с душой свободной, как горы Дагестана, и смелой, как у кавказского орла...

Малюткой еще была княжна, когда умерла её мать, тосковавшая по родному аулу, по суровому отцу и далекой родной сакле, – и осталась осиротевшей птичкой в доме отца красо-

---

³ Батоно – господин по-грузински.

⁴ Аул – селение горцев на Кавказе.

⁵ Кунак – друг, приятель.

точка Нина...

А годы неслись непрерывной чередой... Поднималась, росла юная княжна, удивляя окружающих людей своей смелостью, ловкостью и неслыханною удачью. Она скакала по горам на своем коне, джигитовала⁶ на диво, карабкалась, как дикий джайран,⁷ по утесам. А какие песни она пела со своей молоденькой теткой, сестрой матери, Бэлой, приехавшей к ней в гости, в Джаваховский дом, из родного аула Бестуди!

По вечерам слушала она рассказы старой Барбалэ, верной, доброй служанки, вынянчившей черноокою Нину. Мастерица была старуха рассказывать. И, словно птичка по осени, затихала юная княжна, внимая словам старушки...

Любовно, восторженно слушала она ее. Слушала и у дымящегося бухара⁸ и на кровле Джаваховского дома при лунном свете, и под тенью утеса в горах, и в саду, под навесом густого каштана...

Но не долго продолжались рассказы Барбалэ: увезли княжну учить в далекий северный город... Заточили вольную пташку в серые стены института. Не ужилась в них Нина, зачахла черная роза Грузии, тоскуя по родному краю, как зачахла когда-то её мать, тоскуя по родному аулу...

Небо Петербурга, холодные люди, врожденный недуг и от-

---

⁶ Джигитовка – искусство наездничества, распространенное между кавказскими горцами.

⁷ Джайран – вид антилоп, которые водятся в Закавказье.

⁸ Бухар – камин.

сутствие пестрой сказки цветущей родины сделали свое дело. Умерла Нина. Умерла далеко... А через несколько лет умер и отец её.⁹ Скончалась скоро и старая Барбалэ, но сказки верной, преданной служанки, перемешанные с былью, её рассказы, лившиеся из ссохшихся уст, её сказания из далекого прошлого Кавказа не умерли, нет: пережили они и старую Барбалэ, и юную, безвременно погибшую, княжну...

Нет старушки Барбалэ давным-давно на свете, а сказки её реют в воздухе, как птицы, нашедшие гнезда в одичавшем тенистом саду Джаваховского дома. Их шепчет Кура многоводная, их сказывают густые чинары, их повторяют одичавшие розы, их поет горийский буль-буль с серыми крылышками в тихие, нежные, благовонные летние ночи...

---

⁹ См. повести того же автора: «Княжна Джаваха», «Записки институтки» и «Люда Влассовская».

Первое сказание старой Барбалэ Безумец Бессо

Уморилась за день старая Барбалэ. Утомилаась. Пекла для гостей абрикосовые и каштановые пироги, варила шербеты.¹⁰ То-то было дела. Приехали с батано-князем пять товарищей-офицеров из полка, приехал из аула дедушка Хаджи-Магомет с дочкой Бэлой, младшей сестрой покойной княгини. Пили, ели, лезгинку плясали...

И всех больше отличалась ясочка черноокая, десятилетка-красоточка Нина-княжна.

Девочка цветет как персик, полная, свежая, как ангел красива, а уж пляшет-то, пляшет!.. Отродясь не видела такой пляски старая Барбалэ. Потом сам князь батано, хозяин дома, играл на чиунгури,¹¹ все пели песни хором, а Нина – всех звончее, всех заливчатее. Старый денщик, казак Михакко, сморгнул на седой ус скупую слезу, слушая свою маленькую госпожу-джан;¹² а молодец – наездник Абрек, седлая в конюшне офицерских коней, говорил, сверкая черкесскими глазами:

---

¹⁰ Шербеты – лакомства и прохладительные напитки из яблок, лимонов и сахара.

¹¹ Чиунгури – любимый музыкальный инструмента у грузин, род гитары.

¹² Джан, джаным – по-татарски душа, душенька; очень распространенное ласкательное слово на Востоке.

– Аллах взял жену от батано-князя в рай Магомета, зато княжной-соловушкой, дочкой-певуньей вдового мужа осчастливил...

К ночи только разъехались гости.

Хаджи-Магомет, старый, вольный татарин, тесть князя Георгия Джаваха, уехал к себе, в горы. Дочку Бэлу гостить у внучки, у княжны Нины, оставил. Офицеры в лагерь умчались.

Барбалэ управилась в кухне, прилегла, у себя в каморке на тахте. Думала о суетливом дне, о добром князе-батано, о лезгинке и пении маленькой княжны.

Вдруг в окно раздался стук.

– Тук-тук! К тебе пришли мы, старая Барбалэ, открывай, старушка!

– Кто вы?

Я, твоя Нина-джан, да Бэла-горянка – птичка залетная из Дагестанских аулов... Открывай, роза сердца моего!

Голосок звенит и рвется. Видно смешно самой старую, уродливую Барбалэ называть розой. Но от души это. Не видит старых морщинистых щек Барбалэ молоденькая десятилетняя княжна Джаваха; видит только верную, преданную Джаваховскому роду, любящую душу. И сама любит, ой, как любит свою старую служанку Барбалэ!

– Открывай, звезда моего неба, открывай! Отскочила задвижка. Дверь распахнулась, и стоят обе девочки, тетка и племянница: пятнадцатилетняя джигитка Бэла в сво-

ем национальном, из пестрых цветов, костюме, и красочка-княжна, со смоляными кудрями, в белом бешмете.¹³ Обвивили головы одной чадрой¹⁴ смотрят бойко, улыбаются лукаво и моляще.

Зачем пожаловали, баловницы-певуны?

Сказку, сказку нам, старая Барбалэ!

– Проказницы, ночь скоро. Вишь, луна встала. Спит Гори... Соловьи поют, а вам сказку... Кш... кш... кш... прочь отсюда!.. Покой дайте старой Барбалэ!..

Засмеялась, подпрыгнула грузиночка-княжна, повисла на шее у старухи, в то время как товарка Бэла растерянно метнула из-под чадры газельими глазами.

А Ниночка ластится, воркует, вьется вьюном, лепечет, жарко целуя морщинистые щеки Барбалэ:

– Ну, солнце солнца моего, ну, бирюза души моей, ну, сердце мыслей моих, ну, драгоценное сокровище моих желаний, звезда полночная, восход багряный, цветок душистый, сладкая роза мысли моей, расскажи нам сказку, старая, милая, добрая Барбалэ!

И целует; целует без конца закорузлую черную кожу служанки.

Ну, как тут устоять перед такою ласкою, перед мольбою, перед чарующим обаянием всего существа красочка-

---

¹³ Бешмет – кафтан.

¹⁴ Чадра – покрывало, которое набрасывают на себя женщины-мусульманки, совершенно закрывая им лицо от взоров посторонних мужчин.

ки-княжны?

И забыты вмиг дневная суета, хлопоты, усталость, заботы по дому и кухне... Все ушло, отодвинулось куда-то далеко...

– Садитесь уж, коли пришли, полунощницы, – ворчит Барбалэ, опускаясь на тахту, – будет вам сказка... Ладно уж, в последний раз... Только не простая сказка, что люди выдумали на досуге, а старинное сказание, которое деда рассказывают внукам, а те опять своим внукам, в саклях и аулах, по всему Кавказу... Садитесь, сейчас начну рассказывать...

Взвизгнула Ниночка-княжна. Козочкой взлетела на тахту, с шумом потащила за собой молоденькую тетку, прильнула чернокудрой головой к высохшей груди Барбалэ, чмокнула в самые губы старуху. Потом снова вспрыгнула, серной метнулась к окну, распахнула его широко...

Тени от исполинских чинар, лунный свет, аромат роз и азалий и песнь соловьиная, поздняя песнь, ворвались в горницу... Точно огромный фиал сладких благовоний розлила в природе восточная красавица-ночь. Душисто, нежно и царственно-прекрасно ступала она по саду...

Задумалась Нина... Задумалась Бэла... И старая Барбалэ задумалась тоже. Чарами ночи сковало всех троих – старуху и детей.

Но не надолго. С трудом оторвалось от чаши сада и темного неба побледневшее от восторга личико Джавахи и, все залитое мягким сиянием месяца, скрылось на груди Барбалэ.

Дрогнувший голосок шепнул тихо:

– О, как хорошо! О, моя родина! О, мои восточные ночи! О, мои звезды, чинары и розы!.. Говори мне скорее печальные сказки, Барбалэ! Говори, рассказывай о горе людском и бессилии, о славных подвигах бесстрашных жителей наших гор, о выходках горных разбойников – душманов, о чем хочешь, но только скорее, скорее... или я умру от нетерпения!..

Погладила морщинистой рукой старуха головку своей баловницы и дрожащим голосом произнесла:

– Слушай, княжна Джаваха, слушай, роскошный бутон черной розы, алмазная роса жемчужных цветов, и ты, Бэла, первая красавица среди лезгинских невест, слушайте обе...

Тихо стало в горнице... Только изредка доносился оттуда, из сада, через открытое окно, шелест ветерка и нежные звуки соловьиной песни...

Старая Барбалэ начала свой рассказ...

* * *

Высоко, высоко вздымаются горы... Над ними синее небо и престол Всевышнего, белые облачка, дымчатые покровы ангельских одежд. Под ними бездны, жилища горных духов, гнезда шайтана и черных стражей его... А между вершинами – хребты, горные тропинки и уступы, быстрые потоки речные, нежные благоухающие долины, полные душистых горных цветов...

В этих долинах, крошечных, свисших над безднами, пас

когда-то мальчик Бессо своих коз и баранов.

Был Бессо юн и смел, как молодой орленок из высочайших гнезд Дагестана, и силен, как барс весною, и быстр и ловок, как серна гор...

Тело его, бронзовое от загара, опалено кавказским щедрым солнцем, обветрено родимыми ветрами смуглое пригожее лицо. Он сирота – Бессо и ходит в лохмотьях. Он – пастух. Аул кормит его за то, что он пасет баранов и коз... Но богаче богатейшего бека, наiba селений, он, Бессо... Эти горы – его.

Это небо синее, как волны далекого моря, – тоже его.

И тропинки, и горы, и бездны – все принадлежит ему одному, Бессо. Бог, Создатель мира, как он богат, этот Бессо!

Ему кажется, что Творец вселенной поставил его земным царем над всей этой роскошной природой.

Ему кажется, что для него синее небо, для него благоухают азалии в долинах, для него звенят и пенятся гордые, быстрые потоки гор. Да, он царь!

Над ним Бог, под ним бездна. Все, что во круг – царство Бессо и его коз.

Нынче день выдался на славу. Горы дышат и молчат. Цветы поют, благоухая, и потоки журчат ленивее и тише. Алмаз слился с бирюзой, небо и солнце заключили союз. Дышать трудно под палящими лучами ликующего светила.

Пробовал петь Бессо – не поется. Пробовал завивать венки из азалий и роз – руки сами собой опускаются от жары.

Истома и лень сковывают все тело.

Опустился на берегу горного потока, залюбовался новыми калабанами,¹⁵ мягко охватывающими его ноги.

Хороши калабаны, очень хороши. У сына самого горного духа наверное нет таких...

Сталь мечтать Бессо о том, как хорошо наряжаться каждую неделю в новую обувь, чтобы и по виду казаться владыкой этих высей и пропастей... Стал мечтать и в мечтах незаметно уснул.

Сладкие сны ему снились в этот знойный полдень. Само небо, бездны и дикие розы ущелий нашептывали ему их...

Проснулся. Смотрит кругом: нет его коз близко, ушли козы. Вон, позвякивая колокольчиками, разбрелись они по зеленеющим уступам гор.

Вскочил на ноги Бессо. Плеснул студеной струей из потока себе в лицо, метнулся догонять стадо.

А козы, точно нарочно, все дальше да дальше в ущелье бредут. Словно и не слышат призывных криков пастушонка.

Совсем в незнакомые места попал Бессо... Потемнело в ущельях. Точно темной чадрой окутались горы, точно призрак старого горного духа прошел по узким тропам. В незнакомое место попал Бессо. Вокруг него затеснились исполины-утесы, зашумели глуше нагорные ручьи... И еще потемнело.

Дрогнуло сердце Бессо. Как собрать стадо, как найти до-

---

¹⁵ Калабаны – грузинская обувь.

рогу в аул?

Крикнул было...

Веселым эхо отозвались горы.

Точно кто засмеялся, дразнясь.

И вдруг – легкий, чуть слышный, душу надрывающий стон прозвучал близко-близко.

– Горный дух! – в ужасе прошептал Бессо, – я попал в его владение! Чего доброго не обратиться отсюда.

Содрогнулась далеко не трусливая душа Бессо.

Смелый, отважный мальчик, нет боявшийся ни диких зверей, ни лихого человека в горах, был бессилён бороться с хозяином этих стремнин, могущим уничтожить его каждую секунду...

Но вот опять стон, надрывающий сердце, мучительный и страшный, повис над стремниной.

– Нет, не дух это, а человек, нуждающийся в помощи! Иду помочь ему! – мгновенно встряхиваясь от сковавшего его было ужаса, вскрикнул Бессо и кинулся вперед.

Отважно заблестели его черные глазенки. Огонь мужества разлился по всему его существу. Зажглось в сердце мальчика горячее желание спасти того, кто по ту сторону утеса молил, казалось, своими стонами о помощи.

Один прыжок... Другой... Третий... Перепрыгнув быстрый ручей и дикой кошкой вскарабкавшись на утес, Бессо очутился у огромной каменной вершины с зияющим в нее входом в виде норы.

Теперь было ясно откуда неслись стоны.

Они выходили из глубины утеса, из расщелины скалы.

Новый прыжок и...

Бессо испустил крик ужаса и изумления. Он стоял посреди пещеры, пол, потолок и стены которой были вылиты из чистого золота и серебра. Свет, врывающийся извне в отверстие горы, играя миллиардами искр, заливал сотнею лучей пещеру. К стене пещеры тяжелыми цепями был прикован юноша.

Обнаженная грудь узника была бела, как снежная вершина Эльбруса. По этой белоснежной груди сбегали ручьи крови, алые как рубины.

Кровь сочилась из самого сердца юноши, которое клевала огромным острым клювом серая страшная птица – коршун, разрывая тело узника на куски.

Бледное лицо прикованного мученика было полно невыразимого страдания... Пот градом лил с его чела... Черные глаза, исполненные тоски и муки, молили без слов о помощи.

А злая, жестокая птица продолжала свою работу, вырывая кусок за куском тело из груди узника и обагряя новыми потоками крови золотые стены пещеры.

Не помня себя, весь охваченный жалостью и гневом, Бессо с диким криком ринулся вперед.

– Прочь отсюда, ужасная птица! – вскрикнул он во всю силу детского голоса.

Коршун повернул голову, метнул на смелого мальчика

сердитый, взгляд, но Бессо не испугался этого взгляда.

– Прочь отсюда! Прочь! – крикнул он еще раз, поднимая высоко руку.

И послушная воле мальчика страшная птица оставила своего пленника, взмахнула крыльями и исчезла из пещеры.

Бледный, израненный, окровавленный юноша поднял на Бессо благодарный взгляд.

– Благодарю тебя. На этот раз мои муки окончены, – прошептал он тихо-тихо. – На этот раз только...

– А завтра? – живо перебил его Бессо.

А завтра они начнутся снова, если ты, мальчик, не поможешь мне сбросить эти оковы... Голос юноши был слаб, как звенящая струна чиангури, как последние звуки Божьей пташки, умирающей в руках ястреба. И голос этот проник в самое сердце доброго Бессо.

– Скажи мне только, что надо сделать, чтобы спасти тебя, и я сделаю все, чтобы помочь тебе, батоно! – сверкнув глазами, произнес он тихо.

Юноша улыбнулся.

– Это не трудно, дитя. Сам Бог послал мне спасенье в твоём лице. Поддай мне только конец цепи, я возьму его в руки, в тот же миг рушатся мои оковы, и я буду спасен.

Он не успел закончить своей речи, как Бессо в один прыжок был уже подле лежавшего на полу конца цепи и потянул ее изо всех сил к узнику.

Но увы! Цепь была слишком коротка. Её не хватало.

Два стона вырвались и слились в один вопль отчаяния.

Скованный юноша и Бессо испустили этот вопль разочарования и горя.

Потом наступила тишина.

Только ночь дышала в отверстие пещеры, благо ухая восточными цветами.

И вот узник заговорил снова:

– Дитя, мальчик, слушай мои речи... Я богат, богаче многих владык земли. Я осыплю тебя такими дарами, которые не снятся даже и во сне... Пригоршнями золота и серебра наполню я твою сумку; в твоей сакле будет наряднее и пышнее, нежели в замке султана или во дворце белого царя... Я сделаю тебя счастливым, мальчик. Спаси меня только! Скуй мне цепь из старого железа, такую же, как эта, принеси ее сюда, но так, чтобы никто не узнал и не прослышал об этом, так, чтобы ни один человек не проведал обо мне, принеси сюда, и тогда я буду спасен, и награжу тебя по-царски.

Голос бедного юноши дышал такой мукой, такой жадной свободой, таким желанием избавления от страданий, что он потряс все существо бедного Бессо с головы до ног.

Не надо, батоно! Возьми слова свои обратно, – вскрикнул с горячностью мальчик, – не надо мне ни золота, ни сокровищ, я и без них спасу тебя.

И боясь разрыдаться от жалости и печали, как птица вылетел из пещеры маленький пастух.

Не помня себя, собрал он стадо в этот вечер, вернулся в

аул и с этой же ночи стал искать старые гвозди, куски железа, словом – все то, что могло пригодиться ему для скования цепи.

Судьба не благоприятствовала Бессо. Трудно было ему найти скоро столько старого металла у себя в ауле.

Наконец набрел он на огромную полосу железа, стащил в кузницу и сковал цепь.

В ауле заметили однако эти приготовления мальчика. Странное поведение Бессо не могло не привлечь внимания осетин.

«Мальчик нашел золото в горах», – подумали его односельчане и решили во что бы то ни стало проследить его.

Наступила желанная для Бессо ночь. Ярким оком за-жглась в далеком небе золотая, алмазная звезда Ориона. Открылись чашечки ночных цветов в долинах, запели духи гор на разные голоса, когда, взяв с собою цепь, Бессо, крадучись как вор, прошмыгнуть из родного аула.

Лукавые осетины пошли по его стопам.

Не подозревая преследования, маленький пастух легко и быстро карабкался по уступам, прижимая к груди роковую цепь. Перед ним, не покидая его ни минуту, носился образ окровавленного мученика-узника с таким благородным страдальческим лицом.

Долго-долго бродил он с горы на гору и только под утро достиг памятной ему плоскости.

– Теперь уже скоро, скоро! – мечтал ликуя Бессо, прыгая

с утеса на утес. – Несу тебе твое спасение, узник!

Знакомая пещера была уже в нескольких шагах от мальчика, когда точно из-под земли выросли перед ним осетины.

– Покажи нам, где схоронил ты золото, мальчишка, или мы убьем тебя! – закричали они, выхватывая свои кинжалы и размахивая ими над головою маленького пастушка.

Бессо упал на колени, с мольбою сложил руки и просил, полный отчаяния и тоски:

– Пустите меня! О, пустите меня, умоляю! – дрожащими звуками рвалось из его груди. – Я дам вам золото, много золота, только позвольте мне самому сходить за ним, и я принесу его вам, клянусь родным аулом!

Но они засмеялись над ним. Злые и лукавые сами, они и его заподозрили в лукавстве. Потом, приставив ему свои кинжалы к сердцу, послали его вперед, сами же пошли за ним, не отставая.

Бессо плелся чуть живой, без мыслей, без дум, с отчаянием в юном сердце. Черные тучи повисли над ним, острые молнии жгли его душу... Дурное предчувствие лишало его воли и чувств.

Вот и пещера... Легкий стон несется оттуда... Бледный юноша ждет там его, Бессо... Ждет, считая секунды...

Вот Бессо уже у самого входа в пещеру. Еще минута – и он увидит скованного юношу, освободит, спасет его...

Вдруг страшный удар подземный... Адский гул... От гула этого сотряслись горы, низверглась скала с пещерой вниз, в

пропасть, прямо в страшные объятия духа гор...

Дикое эхо простонало в ущельях...

Бессо громко вскрикнул и без чувств упал на землю...

С той ночи бродит по горам Бессо-пастух без стада, бродит, чуждаясь людей... Ничего не видя, ничего не слыша, бродит он с диким блуждающим взором в ущельях гор... Лишился рассудка Бессо по вине жадных, завистливых люден, которые помешали ему спасти несчастного юношу...

* * *

Замолкла старая Барбалэ... Притихла княжна-джаночка, устремив задумчивые глазки в небо... Притихла и горная серна, татарка Бэла.

Тишина... Азалии и розы улыбаются лунному свету... Соловей стих давно... Видно, и он заслушался сказки... Княжна Нина дрожит... Бледное её личико прекрасно своими бархатными глазами... Алмазы потухли в их глубине. Прижалась к тетке-подружке, глядит в ее газельи глаза тоскливо и шепчет:

– Бедный Бессо! Бедный маленький Бессо, как ужасно, что мы не можем тебе помочь. Правда, Бэла?

* * *

В эту ночь легли поздно в Джаваховском доме...

Второе сказание старой Барбалэ

Старый Гуд

– Седлай мне Шалого, Абрек, седлай! Хочу проводить до гор красоточку Бэлу! – крикнула Нина, топнув ножкой.

Глаза загорелись огоньком, нетерпеливым огоньком, знакомым каждому, кто живет в Джаваховском доме.

Вышла на кровлю Бэла, дочь Хаджи-Магомета, закрылась смуглыми ручками от солнца.

Солнце печет. Глядит на молоденькую племянницу татарочка-тетка. Смеются её газельи глазки. Кричит с плоской кровли Джаваховского гнезда, выстроенного по образцу саклей лезгинских аулов:

– Нина – джан! Оставайся дома с Аллахом солнце души моей! Сиди дома! Доеду до гор одна. Встретят меня нукеры¹⁶ отца у духана.¹⁷ Ждут меня там.

Говорит по-русски, татарски и грузински вместе сразу, смешно путая слова. Голосок гортанный, низкий, как у мальчика, но звонкий.

– Сиди дома, Нина-джан! Сиди дома!

– Ага, ты надо мной смеяться! – заливчато крикнула княжна, бросилась к дому, одним духом взлетела по шатким

---

¹⁶ Нукер – слуга.

¹⁷ Духан – заезжий двор, кабачок.

ступеням на кровлю, обхватила молоденькую тетку сильными, как у джигита-мальчугана, руками, повалила на тахту. Целует, обнимает, хохочет.

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Не дразни, не дразни Нину, дагестанская дикая коза!

Потом снова вышла и снова громко, громко крикнула:

– Седлать мне Шалого, Абрек! И чтобы сейчас!

Абреку нынче такое приказание не по вкусу. Солнце печет, день жаркий. Изволь-ка в духоту такую сопровождать в горы княжну. А пустить одну нельзя. Попадет от батоно-князя... Или попробовать? Неужто не сохранит Аллах?

Абрек – джигит, татарин, из дагестанских диких аулов, отчаянный сорви-голова и смельчак, Аллаха одного боится и никого больше.

– «Так пускай же палить солнце, не поеду я ни за что».

– Госпожа, – кричит Абрек. – Шалый оседлан.

Далеко не заезжай. Батоно-князь не позволил. Поверни от конца предместья. А сейчас, айда с именем Аллаха!

– Айда! – звонко откликнулась княжна Нина, и через три минуты от ворот Горийской усадьбы скакали две юные всадницы, в узких бешметах, в широких шальварах¹⁸ с кинжалами, точь в точь как игрушечные, заткнутыми за пояс, в низеньких шапочках мингрельского образца.

Солнце печет, точно томит до полусмерти. До духана недалеко. Тихо шепчут воды Куры. Камешки то и дело ска-

---

¹⁸ Шальвары – шаровары, нижняя одежда восточных мужчин и женщин.

тываются в воду из-под ног лошадей.

Шалый – высокий, статный, как ворон черный, красавец-конь княжны Нины – пламя и вихрь. Под Бэлой – гнедая кабардинка-горянка, которая не уступит ему в прыти: через кручи понесет, перемахнет через бездны. Не лошадь – алмаз драгоценный!

В полчаса обе всадницы доскакали под палящим солнцем до духана.

В духане ждали Бэлу слуги Хаджи-Магомета, трое суток тому назад выехавшие из родного аула. С испытанными, верными нукерами не боится пустить в дальний путь Хаджа-Магомет свою красавицу-дочь.

Спешились Нина и Бэла.

– Прощай, бирюза сердца моего! – обнимая племянницу, лепечет девочка-тетка.

– Прощай, прекраснейшая из звезд аула Бестуди! – находчиво отвечает княжна.

– Прощай, чернокудрая гурия садов Магомета!

– Прощай, роза Аварских ущелий, свет и день очей моих!

Поезжай с Богом! Поклон дедушке Магомету!

– Оставайся с Аллахом, благоухающая азалия Горийских долин! Брату Георгию неси привет от Бэлы!

– Папа в лагере. Когда вернется, крепко поцелую за себя и тебя. Прощай, райская пташка Бэла!

– Ниночка-джаным, прощай!

И расстались.

Бэла в сопровождении нукеров углубилась в горы.

Княжна Нина дала шпоры коню и, с обычным своим «айда», полетела обратно.

Но не мил девочке знакомый путь. Захотелось иного, что повыше и покруче, где холмы убегают в горы, где утесы горделиво тянутся в высь.

– Айда, Шалый! Айда! Айда!

Помчался в горы конь с нетерпеливой всадницей.

В ущельях бежит, извилистая как змейка, тропа. Говорят, идет она вглубь страны до самого неба...

Поскакать разве по ней?..

Но что скажут дома?..

Отец в лагерях, Михако и Барбалэ, старые воспитатели-няньки, поднимут суматоху, Попадет Абреку – зачем пустил Нину одну.

Но все это после, после. А пока... пока синь небес, заповедная горная тропа и быстрый, как вихрь, бег Шалого.

Скоро залучилась прихотливыми зигзагами тропинка. Вправо, влево, вправо, влево... Глуше стали утесы...

Теснее сдвинулись скалы. Все дальше и дальше слышится рокот Куры...

Быстрее помчалась Нина.

– Айда! Айда!

Сейчас поворот. Знакомый старый утес с чинарой.

Но где же они? Где утес? Где чинара? Совсем незнакомые места... Повернуть разве обратно? Глядь – там бездна. На-

право кусты орешника и опять бездна.

– Где я? – кричит княжна звонко.

– Где я? – отвечает эхо.

Вдруг из-за утеса вытягивается папаха... Ползет кто-то в черной бурке, с горящими глазами, с зверским лицом. Одет как нищий. Во взоре лукавство, алчность. Впился им прямо в усыпанную дорогими камнями рукоятку кинжалака Нины.

– Стой! – крикнул по-лезгински. – Стой, отдавай коня и платье, или смерть!

А сам выхватывает аркан и из-за пояса кривой кинжал.

Сердце сжалось в груди Нины.

Не за себя... Нет...

– Если умру, что будет с отцом? – вот мысль, пронзившая жалом чернокудрую головку. И, не медля ни секунды, Нина привстала в стременах.

– Айда! Айда, Шалый!

Взвился конь, прыгнул, метнулся через бездну.

Прыжок, скачок – поминай, как звали. Грянул выстрел позади. Промахнулся горец.

– Домой! Домой скорее! Выноси, Шалый!

Бег бешеный. Скачка удалая. Сама царица амазонок так не мчалась никогда, никогда.

Через полчаса Нина дома. У ворот собрались с бледными лицами Барбалэ, Абрек, Михако.

– Княжна-ласточка, вернулась, храни тебя Бог!

Слезы, стоны старой Барбалэ, причитания...

– Вай! Вай!..¹⁹ – шепчет старушка, – что было бы, если...

Княжну снимают с седла, ведут домой, сажают в кунацкой на тахту, кормят шербетом, засахаренными пряниками, миндалем, кишмишем.

– Звездочка неба Горийского, вернулась княжна!..

– И чего боялись? – хохочет Нина. – Что я, девчонка, что-ли?.. Джигит я. Дочь матери-джигитки, отца-джигита. Что делается мне, мальчишке?

В глазах Абрека и Михако молнии восторга, в заплаканных взорах Барбалэ умиление и любовь, но когда Нина стала рассказывать о встрече с лезгином в горах, с Барбалэ чуть не сделались судороги от ужаса.

– Храни тебя Бог Грузии и всего мира! Святая Тамара и Нина спаси тебя! – в слезах лепечет старуха. – То не горец был... Нет, нет! Не станет горец трогать ребенка. То был сам старый Гуд в образе человека.

– Старый Гуд! – так и вскинулась на тахте Нина. – Старый Гуд?.. Расскажи мне о старом Гуде, добрая Барбалэ!

– Не хорошая это сказка, джан, дурная. Осетины сложили ее в злой час. Не люблю осетин, – замотала головой старуха.

– А ты расскажи, душа души моей. И про Бессо – безумца сложили осетины, а ты же сказывала.

– Не люблю осетин...

– Люби Нину свою, джан, Нину, нянечка Барбалэ, и любя,

---

¹⁹ Вай, вай – чисто грузинский возглас горя, испуга.

расскажи ей про Гуда, старушка моя!..

Сама ластится, птичкой порхает, змейкой вьется, а в глазах, как звезды на темном ночном небе, уж загораются огоньки, – такие, как и у князя Георгия Джаваха, когда он нетерпелив и недоволен, такие, как и у кроткой покойной матери Нины бывали в минуты проявления её лезгинской воли.

Хорошеет на диво в такие минуты княжна. Звезды-очи горят и светят. Бледное личико – мрамор и красота. Улыбается – улыбка – подарок солнца.

Нельзя отказать княжне... Такой Нине-княжне совсем отказать нельзя.

И опускается на тахту с ворчанием старая Барбалэ.

А Михako и Абрек пристраиваются по-восточному, поджав ноги, у дверей, на ковре.

На колени Барбалэ склоняется чернокудрая головка, радость и солнце старого Джаваховского гнезда.

И начинает свою сказку старая Барбалэ.

* * *

Высоко над безднами, под самым небом, как гнезда ласточек, прилепились к скалам сакли осетинского аула.

Бедный, жалкий, отрепанный, нищий, самим Богом забытый народ, – эти осетины. Кто несчастнее всех племен кавказских – осетины. Ленивы в работе, неподвижны, вялы, как болотные лилии, сонны они. Женщины у них работают на

мужчин целыми днями, с утра до ночи, без передышки. И все же грязь кругом, бедность, нищета...

И в высоком поднебесном ауле, что ютится в утесах, что высится над безднами, грозя сорваться в их разверстую пасть с первым обвалом, также бедно, скудно и грязно.

А все же и в нищем ауле есть своя радость. Есть солнышко в поднебесном ауле, что светит на всю Осетию, что дает блеск и знатность далекому осетинскому аулу.

В ауле живет у отца с матерью Нина. Такой красавицы не сыщется больше на земле. Обойди Терек, Куру, Арагву, поднимись до самого Эльбруса, опустишь в низины Грузии, Мингрелии и Гурии, – не найдешь такой. Уздени лезгинские²⁰ сказали про нее так:

– Звезда во лбу Аллаха – очи Нины; два клинка дамасского кинжала – взоры – её; алый сок лепестка дикой розы – пурпуровые губки, заоблачные вершины снежного Эльбруса – лицо её, заря – пояс Пророка – ее румяные щечки; тучи грозного неба – черные кудри её; улыбка – сияние неба, светлого восточного неба, благословенного самим Аллахом и Магометом, пророком его.

Так отзывались гордые уздени о Нине. Так отзывался каждый магометанин, выдавший её, а грузины, осетины, мингрельцы и армяне, все христианское население страны видели светлого дивного ангела в лице красавицы Нины.

Она же росла да подрастала, хорошея с каждым днем, с

---

²⁰ Уздени – высшее сословие, знатные дворяне.

каждым часом, радуясь беззаботно, как пташка, своей молодости, своему счастью, своей красоте.

Каждый день был праздником для Нины. С утра убежала она в горы, плела венки из диких азалий и распевала песни, сладкие, как свирель волшебного пастушка.

Однажды услышал старый Гуд эти песни...

Кто не знает старого Гуда? Живет он в хрустальном дворце на самом Эльбрусе в высочайших вершинах кавказских стремнин.

Дворец его – весь как солнце, весь как алмаз исполинский – так и искрится, так и горит миллиардами искр. Хрустальный замок издали видно, а чуть приблизишься к нему – ослепнешь. Да и нельзя к нему приблизиться смертному: черные духи гор стерегут его. Сам Эльбрус стоит на страже подле и бережет покой старого Гуда.

И живет старый Гуд, дух гор, повелитель бездн, вершитель судеб обвалов и потоков, господин урагана и молний, в своем заоблачном дворце.

Весь он белый-белый, как снежная шапка Эльбруса. С седою по пояс бородою, с пронзительным всевидящим взором из-под сдвинутых грозно бровей.

Стар уже Гуд, много тысяч лет живет он на свете, а взор его молодой и мечет молнии не хуже глаз юнейшего из джигитов Дагестана...

Когда доволен и радостен дедушка Гуд, сияет волшебное солнце, улыбается синее небо, расцветают розы в ущельях

и звенят заливчатым звоном потоки в горах. А разгневаются старый – горе людям. Заскользят по небу змеи-молнии, запрыгают раскаты грома в горах, отрываются куски скал от круч и с диким уханьем падают в бездну. Вспенятся быстрые горные речонки, разольются бурно, загремят стремнины, заохают бездны на тысячи разных голосов во славу старого Гуда... И мохнатые руки черных демонов гор протягиваются из бездн и ущелий, готовые схватить и растерзать путника, попавшего сюда в этот страшный грозный час.

Вот какова мощь старого Гуда и вот каков сам Старый Гуд, увидевший случайно осетинку Нину.

Был тогда ясный день, светлый и роскошный, когда забравшись на крутой утес, собирала Нина цветы. Собирала и пела своим нежным голосом красивую мелодичную песенку. И надо было старому Гуду в ту пору выглянуть из его хрустального дворца.

Увидел красавицу, и замерло в нем сердце.

Неужто она это? Неужто та самая малютка Нина, что не раз оберегал и лелеял он в горах?

Была она тогда крошкой, и баловал он ее тогда как старый дед. Рассыпал ей лучшие цветы перед глазами, перекидывал ей через бездны летучие мостки, заставлял ветер напевать ей чудесные песни и сказывать сказки, не слыханные еще людьми. Тогда была она милым резвым ребенком, сейчас – красавица, перл творения Великих рук.

И ударилась стрелою, вонзилась любовь в сердце старого

Гуда... Захотел он во что бы то ни стало взять себе в жены Нину, унести девушку в свой хрустальный дворец, дать горам и безднам молодую красавицу-царицу.

Прикинулся ветерком старый Гуд, стал шептать на уши юной осетинки:

– Поднимись выше, красавица, увидишь роскошный дворец, войдешь, в него – хозяйкой будешь, счастливейшею и богатейшею из женщин земли.

Обернулся белой азалией, коснулся розовой щечки Нины, дышит ароматом и нежно говорит ей:

– Полюби Гуда, красавица, он могучий дух и царь этих бездн и гор.

Пташкой-горленкой обернулся старый и птичьим голосом щебечет с куста:

– Дам тебе счастье, красавица, дам власть и богатство, оставайся в горах со мною, будь моею женою...

Но рассмеялась только в ответ Нина, козочкой прыгая с уступа на уступ.

– Семко, – крикнула она звонко, – звезда души моей, Семко, скорей ко мне!

И предстал перед Ниной красавец-юноша – пастух, смелый, отважный, с пламенным взором, с восторженной улыбкой на прекрасном лице.

– Здесь я, Нина, радость очей моих, невеста моя любимая! – отозвался он голосом, полным нежности и любви.

Услышал этот голос, увидел юношу и света невзвидел ста-

рый Гуд...

Крикнул, ахнул он, застонал злобным стоном...

Отозвались ему бездны и пропасти, скалы и потоки.

Загремел в небе гром, засверкали молнии, разыгралась гроза...

Разгневался Гуд...

О, он этого так не пропустит!..

Прошло несколько недель.

В поднебесном ауле готовятся к свадьбе. Выходит красавица Нина за Семко-пастуха. Богатым узденям отказала, бекам²¹ отказала, бедного юношу отличила её любовь.

В ауле готовятся к свадьбе, а старый Гуд, как безумный, мечется в горах. Гремят ежедневно громы, обвалы рушатся в бездны, либо снежные мятели тучею носятся среди стремнин.

Беснуется Гуд и клянется страшной клятвой отнять невесту у Семко.

Наступил канун свадьбы. Целый день кружила мятель в горах. С утра стало мрачно в сакле, как в могиле. А Нине хоть бы что. Прибирает горницы к завтрашнему празднику в ожидании отца с матерью, – те пошли приглашать соседей на свадьбу, – поет как птичка, думает про Семко...

И вдруг, оглянувшись на дверь, вскрикнула радостно на всю саклю.

Стоит он сам, любимый, в дверях, отряхивает снег с бур-

---

²¹ Бек – князь.

ки, глядит, улыбаясь, на Нину.

– Здравствуй, жемчужина востока!

– Здравствуй, пламя и радость мыслей моих! Садись, гостем будешь.

А сама снимает с него бурку, стряхивает с него снег, сажает на тахту, болтает без умолку.

– Люблю тебя, Семко, люблю, счастье дней моих, люблю, жених мой дорогой....

– Люблю тебя, Нина, алмазное солнце среди мерцающих звездных огней, – отвечает Семко и, взяв за руки невесту, говорит ей еще и еще, как сильна и могуча его любовь к ней.

А старый Гуд все слышит и все видит.

Старый Гуд заходится от злобы, старый Гуд кружит, мечется и вопит:

– Постойте, покажу я вам силу любви вашей, глупые дети!

Сказал и, ухватив руками огромную снежную глыбу, низвергнул ее в стремнину. Кусок глыбы оторвался и завалил дверь и окна сакли, где сидели будущее супруги.

Сразу стало в сакле темно, темно.

Испуганные вскочили молодые люди.

– Мы заживо погребены обвалом! – вскричала девушка, дрожа всем телом.

– Успокойся, любимая. Придут люди и отроют нас, – произнес Семко, согревая в своих руках похолодевшие ручки невесты. – Не бойся ничего. Я с тобой.

Эти слова придали мужество Нине. Легче стало от них у

неё на душе. Тихо заворковала она снова о будущем, близком счастье, о завтрашнем празднике – свадьбе, обо всем, обо всем...

А часы не шли, а бежали. Незаметно промчалось время... Никто не приходил на помощь, отрывать заживо погребенных молодых людей.

Голод, злейший враг человечества, уже подступил к Нине и Семко. Нестерпимо захотелось есть...

Уже не говорилось, как прежде. Лениво перекидывались словами. Не тянуло говорить.

Еще пробежали часы... Промчалось время... Миновали сутки, – может быть больше, может быть меньше, – не знали они... Голод язвил сильнее, рвал внутренности, валил от слабости с ног.

Как дикий зверь метался по сакле Семко. На тахте, обесиленная, полумертвая от голода, стонала Нина.

Снова тянулись ужасные часы.

Ярко горели, как у голодного волка, безумным огнем глаза Семко. Страшные мысли проносились в его голове.

– Если нас не отроют тотчас же, – метались эти безумные мысли, – я съем ее... Нину... Я не могу больше ждать...

Так думал несчастный.

На беду девушка подняла руку. В эту минуту соскользнул рукав бешмета до самого плеча. Мелькнуло белое плечо в темноте сакли и обезумевший от голода Семко, как дикий зверь, бросился к Нине и вцепился зубами в её плечо...

Девушка испустила вопль ужаса, отвращения и лишилась чувств.

В тот же миг послышались голоса за дверями. Это пришли горцы спасти погребенных обвалом. Несчастных отрыли, привели в чувство, накормили.

Но Нина уже не хотела смотреть на Семко, и на следующий день не праздновал их свадьбу поднебесный аул.

Зато старый Гуд хохотал на весь мир громко у себя в горах, ликуя и беснуясь. Удалось старому Гуду расстроить свадьбу Нины!..

И еще говорят осетины, что удалось Гуду увлечь Нину в свой хрустальный замок на Эльбрусе и сделать ее царицей бездн и гор, своей женою.

Только вряд-ли правдиво это. Вернее – умерла Нина, и ищет ее всюду по свету старый свирепый Гуд...

* * *

Замолкла Барбалэ...

Стало тихо в горнице...

Михако закурил трубку. Замурлыкал горскую песенку удалец Абрек.

Княжна Нина заглянула в лицо старухи черными, горящими любопытством, глазами.

– Так ты думаешь, джан, что тот горец и был...

– Старый Гуд! – подхватила Барбалэ уверенным тоном. –

Вишь, ищет свою Нину в горах старый и в каждой девушке видит ее... Прикинуться горцем, лезгином, или нашим грузином, – ему ничего не стоит. Ведай это, моя ласточка!..

И опять замолчала... И опять наступила тишина...

И каждый думал о старом Гуде и о том, как хорошо удалось общей любимице-княжне избежать беды.

Третье сказание старой Барбалэ

Каменный джигит

Словно ясное утро свеженькая, проснулась молоденькая княжна.

– Пикник нынче. Лошадей готовьте. Скачем все, скачем все!

Кричит, торопит, смеется. Смеется, как ручеек булькает внизу под горою и серебристый тополь шушукается в роще с ветерком.

– Соберитесь все. Все собирайтесь. Пикник нынче... Барбалэ, готовь корзины с провизией, моя старая, милая добрая Барбалэ!

Бэла, дочь Хаджи-Магомета, еще на той неделе приехала из аула, и от зари до зари распевала веселые песни.

Князь Георгий накануне из лагерей вернулся. С ним молоденький хорунжий прискакал, его адъютант, и сестра адъютанта, Зиночка, беленькая, нежненькая, так мало похожая на восточных роз – Нину и Бэлу.

Кусочек северного петербургского неба, казалось, упал в бледные глаза Зиночки, да так и остался в них, прозрачно-голубовато-серый, не улыбающийся, не туманный.

Издалека, с холодных берегов Невы, прилетела в Джаваховское гнездо Зиночка на побывку к брату и не может придти

в себя от восторга при виде сказки: панорамы величавых гор, гордой кавказской красоты, царственной природы и этого моря красок, цветов и поэзии вокруг...

– Время выезжать!.. В путь пускаться время!.

Голос княжны звучит властно, повелительно.

Князь Георгий улыбается. Любуется красивой, как ливанская роза, цветущей дочуркой.

– Ах, ты Нина – джигит, командир-сотник, постой ты у меня!..

И снова смех, шутки, серебро плавленное, звенящие колокольчики и голос феи:

– Пора! пора!

Выехали гуськом из ворот усадьбы. На гнедом кабардинце, впереди всех, князь Георгий Джаваха. Подле него, как ртуть живая, как вьюн гибкая, как огонек горячая, княжна Нина на своем Шалом. Улыбка на гордых, приоткрытых теперь от счастья, губках, черные сверкающие звезды в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.